

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ

А.Б. Демидов
Витебск, ВГУ

Эстетическая наука стремится к пониманию и объяснению таких значимых для людей предметов, как красота, вкус, совершенство и т. п. Однако эстетика как наука испытывает принципиальные трудности теоретического характера. Это отчётливо проявляется в сомнениях насчёт определения предмета эстетики. От античности и до XX века под предметом эстетики подразумевалось преимущественно «прекрасное», «возвышенное», «гармония», «грация» и т. п. Но в течение минувшего столетия сложилось понимание, что подобные определения предмета эстетики односторонни и узки. Сегодня многие склонны считать предметом эстетики «эстетическое». Но в таком случае определение предмета эстетики оказывается тавтологическим и, значит, также сомнительным. Вопрос об определении предмета эстетики принципиально важен потому, что именно особенностями этого предмета обуславливается выработка адекватной методологии его исследования.

Цель данного сообщения – обосновать тезис, что основным предметом эстетики как философской науки являются акты вкусового оценивания. Для достижения этой цели нужно решить следующие задачи. Во-первых, дифференцировать эстетическое оценивание от познавательных актов. Во-вторых, отличить эстетическое оценивание от других видов оценивания.

По определению А. Баумгартена, основавшего в середине XVIII века эстетическую науку, «эстетика... есть наука о чувственном познании» [1, 452], а под красотой он понимал «совершенство чувственного познания» [1, 455]. Почин Баумгартена получил развитие у И. Канта, который в «Критике чистого разума» определял эстетику как «науку о правилах чувственности вообще» в отличие «от логики, т.е. науки о правилах рассудка вообще» [2, 155]. Однако впоследствии, в «Критике способности суждения», Канту пришлось уточнить выражение «эстетический способ представления». В одних случаях подразумевается *познавательная* способность к чувственному созерцанию объекта. В других случаях подразумевается способность испытывать чувство удовольствия и неудовольствия по поводу объекта, т. е. *способность суждения*, а не познания. Кант попытался устранить двусмысленность слова «эстетический», уточнив, что «наименование *эстетическое суждение об объекте* сразу же указывает, что хотя данное представление соотносится с объектом, но в суждении имеется в виду определение не объекта, а субъекта и его чувства» [3, 127].

И всё же кантовский термин «эстетическая способность суждения» (*die ästhetische Urteilskraft*), несмотря на уточнения и оговорки, сбивает с толку хотя бы уже тем, что слово «суждение» привычно связывается с логическим познанием. Думается, что оснований для недоразумений стало бы меньше, если вместо слова «суждение» мы использовали бы «оценивание», т. е. провели бы различие между чувственным познанием и чувственным оцениванием, или познавательными и оценивающими актами.

Когда мы говорим, что данная вещь имеет тот или иной цвет, вкус, запах, вес, форму, мы высказываем познавательное суждение, т. е. утверждаем или отрицаем наличие у данной вещи тех или иных свойств. Когда мы говорим о вещи, что она красивая или некрасивая, кажется, будто речь идёт опять о свойствах данной вещи. На самом деле во втором случае мы говорим о том, нравится нам эта вещь или не нравится (или она безразлична нам). Речь идёт теперь не о самой ве-

щи, а о наших переживаниях по поводу неё: она нам нравится или не нравится, нам это по вкусу или не по вкусу, любо или не любо. В обыденной речи познавательные и оценочные суждения часто смешиваются; например, высказывание о чём-то, что он сладкий или горький, можно воспринимать и как суждение о свойствах этого предмета, и как его эстетическую оценку: слово «сладкий» может употребляться как синоним слова «приятный», а «горький» – как «неприятный». Однако, сказать о предмете, что он сладкий, значит, высказать познавательное суждение, а не дать ему оценку; сладкое же может быть как приятным, так и неприятным. Свойства предметов мы *распознаём*, а наши оценки мы *придаём*.

Когда мы говорим о предмете, что он прекрасный или безобразный, возвышенный или низменный, трагический или комический, то мы высказываем свою эстетическую оценку, а не знание о нём – мы высказываемся о самих себе, о том, какие эмоциональные переживания мы испытываем (любо – не любо, по нраву – не по нраву), а не о свойствах предмета.

Оценить предмет – значит придать ему некоторое значение, проявить к нему некоторое безразличие. Свойства предмета мы *познаём*, причём можем делать это вполне бесстрастно, тогда как значения, или оценки, мы *придаём*, приписываем, навешиваем на предмет как ярлык извне, проявляя свою пристрастность к нему.

Проведя различие между чувственным познанием и чувственным оцениванием, мы можем отметить двусмысленность слова «вкус»: посредством вкуса можно как познавать, так и оценивать, но это разные акты. Пробуя на вкус, мы можем *распознать*, что напиток горьковатый, и при этом *оценить*, что он приятный.

Ввиду охарактеризованного различия между чувственным познанием и чувственным оцениваем, мы полагаем, что «прекрасное» не является свойством того или иного предмета, постигаемым в актах познания, но является значением, которое мы придаём предмету, вырабатывая наше к нему отношение в актах вкусового оценивания.

Об актах оценивания следует заметить, что они могут быть разного рода. Прежде всего, нужно провести дихотомию между оцениванием эстетическим (чувственным, вкусовым) и оцениванием смысловым. При смысловом оценивании мы придаём вещам то или иное значение не потому, что они нам нравятся или не нравятся в непосредственном эмоциональном переживании, а потому, что мы рассудком сознаём ту роль, которую они играют в некоторой системе. Если мы дорожим системой (например, семейных, дружеских или общественных отношений), а некий элемент, хотя он эстетически приятный (красивый, прекрасный), вредит ценной для нас системе, то возникает конфликт и дифференциация между оценками эстетическими и смысловыми. Явления этические, меновые, функциональные предполагают смысловое оценивание. Однако к ним может примешиваться эстетическое оценивание. Чем более зрелым становится человек по мере своего развития, тем сильнее эстетическое оценивание сдерживается и ограничивается смысловым оцениванием. На это обстоятельство указывал С. Кьеркегор, полагая, что человек сначала погружён в эстетическое существование, затем он может дорасти до следующей стадии – этического существования.

Рассуждая о предмете эстетической науки, мы приходим к следующим выводам. Эстетические акты суть акты оценивания, а не познания. Предметом эстетики должны быть не вещи, не явления, которые подлежали бы изучению в качестве «прекрасных», а наши акты вкусового оценивания явлений. Специфическим признаком, т. е. видовым отличием эстетического оценивания является вкусовое оценивание в отличие от оценивания смыслового. Таким образом, мы предлагаем определение предмета эстетики как философской науки через указание ближай-

шого рода (акты оценивания) и видового отличия (вкусовое оценивание). Короче говоря, эстетика – это философская наука об актах вкусового оценивания (чего бы то ни было).

ЛИТЕРАТУРА

1. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. – М.: Искусство, 1964. – 835 с.
2. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
3. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.

ПРАГРАМА БАЛЬШАВІКОЎ ПА НАЦЫЯНАЛЬНАМУ ПЫТАННЮ Ў 1917–1919 гг.

А.Л. Дзядзінкін
Віцебск, ВДУ

Партыя бальшавікоў у гады першай сусветнай вайны абвясціла даволі дэмакратычны курс у справе вырашэння нацыянальнага пытання. Праграма партыі па нацыянальна-дзяржаўнаму будаўніцтву знайшла сваё адлюстраванне ў першых дакументах савецкай улады. Так, “Дэкларацыя правоў народаў Расіі” (2.11.1917 г.) гарантавала “равенство и суверенность народов России”, “право наций на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства” [1, с. 35]. “Дэкларацыя правоў працоўнага і эксплуатаемага народа” (12.01.1918 г.) устанаўлівала, што “Российская республика учреждается на основе союза свободных наций как федерация советских национальных республик” [1, с. 198]. Абвешчаючы права народаў на самавызначэнне ў якасці асноўнага лозунга праграмы партыі па нацыянальна-дзяржаўнаму будаўніцтву, бальшавікі імкнуліся да папулярызацыі партыйнай лініі ў нацыянальны рэгіёнах дзяржавы і хацелі прыпыніць далейшую актывізацыю так званых “буржуазных” нацыянальна-вызваленчых рухаў. Сапраўды, з канца 1917 г. на ўскраінах Расіі пачалі ўзнікаць новыя дзяржаўныя ўтварэнні і мясцовыя ўрады, якія прэтэндавалі на незалежнасць. Рэвалюцыянізаваць новаўтварэнні бальшавікі меркавалі пад лозунгамі іх самавызначэння ў савецкай форме. Ужо на III з’ездзе Саветаў 25 студзеня 1918 г. Расійская рэспубліка была аб’яўлена федэрацыяй савецкіх нацыянальных рэспублік, хаця яны яшчэ не былі нават утвораны. Бальшавікі лічылі, што такая пазіцыя “отнимет возможность у национал-шовинистов рассматривать движения наших частей как оккупацию” [4, с. 234]. Па ацэнцы Г. Зіноўева, “правильная политика партии в национальном вопросе облегчила победу над эсерами, меньшевиками, над Деникиным и Колчаком по крайней мере на пятьдесят процентов” [2, с. 7].

Трэба адзначыць, што бальшавікоў пры гэтым не засмучаў той факт, што ў выпадку паслядоўнай рэалізацыі прынцыпаў “Дэкларацыі правоў працоўнага і эксплуатаемага народа” раўнапраўных суб’ектаў федэрацыі будзе столькі ж, колькі суверэнных народаў з’явіцца ў краіне. Найбольш істотным для партыі, якая імкнулася ажыццявіць сусветную рэвалюцыю, было тое, што такім чынам федэрацыя прыстасоўвалася для пашырэння яе да сусветных маштабаў. Наконт гэтага ў Канстытуцыі 1918 года гаварылася, што асноўнай задачай РСФСР з’яўляецца “установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах” [6, с. 45].